

⁶³ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / Под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2008. С. 571.

⁶⁴ Там же. С. 130.

⁶⁵ Там же. С. 671.

⁶⁶ Ларин Б. А. Очерки по фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 144–145.

⁶⁷ Там же. С. 146.

⁶⁸ Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000; Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: В 2 т. (Т. I. А–М. 658 с.; Т. II. Н–Я. 656 с.) / Под ред. С. Г. Шулежковой. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск, 2008–2009.

⁶⁹ Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997. 864 с.; 2-е изд. М., 2001. 855 с.; 3-е изд. М., 2005; Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Жизнь русской фразеологии в художественной речи. Опыт школьного фразеологического словаря: В 2 т. Т. 1. А–Л. 341 с. Т. 2. М–Я. 336 с. / Сост. А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, И. Ю. Третьякова и др.; под ред. А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. Кострома, 2008; Жизнь русской фразеологии в художественной речи. Школьный словарь / Сост.: А. С. Власов, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, И. Ю. Третьякова, М. А. Фокина, А. Е. Якимов; под ред. А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. Кострома, 2010.

⁷⁰ Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005. 578 с.

⁷¹ Жизнь русской фразеологии в художественной речи. Школьный словарь / Сост.: А. С. Власов, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, И. Ю. Третьякова, М. А. Фокина, А. Е. Якимов; под ред. А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. Кострома, 2010. 730 с.

⁷² Ларин Б. А. О народной фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 156.

Е. В. Генералова

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВВ.»)²

Специфика языкового материала каждого словаря очевидна, в особой степени это касается словарей исторических, где уникален не только материал, период, круг источников, но в большинстве случаев и концепция авторов и их представление о жанре исторического словаря.

---

² Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

При всей развитости на современном этапе исторической лексикографии едва ли существует какой-то определенный унифицированный аппарат подачи языкового материала. Историческая лексикография во многом шла за толковой лексикографией, отчасти и вырастая из нее, но можно ли вообще говорить о какой-либо особой методике и каком-либо особом лексикографическом аппарате исторических словарей? Очевиден здесь и вопрос о степени общего и особенного в каждом словаре — насколько это особенное (и, напротив, общее) имеет право на существование, насколько оно основано на объективном языковом материале, насколько реализуемо, насколько может претендовать не на обособленность, а быть рекомендовано другим — при том, что известно, сколь многое в словарном деле обусловлено экстралингвистическими причинами и как трудно менять такой аппарат, даже если это кажется целесообразным.

В свое время ряд очень интересных идей был предложен Б. А. Лариным при создании «Псковского областного словаря с историческими данными», который был задуман Б. А. Лариным, с одной стороны, как словарь полного типа, отражающий и языковые единицы диалекта, и единицы «общего языка», а с другой стороны, как интереснейший в историческом отношении словарь, описывающий непрерывную историю слова, показывающий и историю диалекта, и современные языковые данные. Однако при всей очевидной плодотворности всех этих идей (хотя и безусловной трудоемкости) следует признать, что ПОС остался уникальным трудом такого рода в отечественной диалектографии.

Основанные на объективном языковом состоянии приемы показа динамики развития словарного состава в историческом словаре были предложены в «Словаре русского языка XVIII в.», в свете развития идей Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, а далее Ю. С. Сорокина о действительно историческом словаре, но тоже нельзя сказать, чтобы эти приемы получили широкое распространение в исторической лексикографии.

Возможна ли вообще какая-либо унификация или даже просто передача опыта? Практика показывает, что этого, как правило, не происходит.

Межкафедральный словарный кабинет в этом смысле как раз едва ли не уникальный опыт словарей вообще разного типа, но с одним корнем, выросших из одного гнезда и в связи с единством концепции пользующихся и сходными приемами описания материала, т. е. словарей, члены авторских коллективов которых говорят на одном лексикографическом языке.

Что касается описания лексического значения языковых единиц, постулатом отечественной лексикографии являются слова Л. В. Щербы: «Словарная работа исключительно основана на семантике»¹. Поддерживая традиции Л. В. Щербы и признавая его лексикографический труд «поучительным и образцовым как в теоретическом, так и в техническом отношении»², Б. А. Ларин разрабатывает новые подходы к созданию словарей, которые реализуются в первую очередь в задуманных Лариным экспериментальных лексикографических проектах, относящихся к разным областям лексикографии: «Псковском областном словаре с историческими данными», «Словаре автобиографической трилогии М. Горького», «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ). В связи с этим во многом методы описания материала и сами приемы являются общими.

В отношении развертывания семантического пространства слова в исторической перспективе особый интерес Б. А. Ларин проявлял к слову в тесной связи с историей народа. Принципы Древнерусского словаря (ДРС), разработанные Лариным, отличались от принципов составления ранних исторических словарей. Ленинградскую-петербургскую школу исторической лексикологии всегда привлекало слово в тексте, именно функционирование слова в его семантических возможностях. В этом принципиальная позиция Ларина, подчеркивавшего, что историческая лексикология — это изучение истории слов исключительно в исторических текстах. В этом смысле особенно значим фонд памятников, на которых осуществляется словарь.

В качестве источников задуманного Б. А. Лариным словаря обиходного языка, включающего лексику живого языка XV–XVII вв., поскольку «это наиболее вопиющая лакуна русской лексикографии и самое зыбкое место, трясина, в которой гибнет всякая попытка построения русской исторической лексикологии»³, была взята хорошо продуманная группа памятников XV–XVII вв., среди которых представлены тексты различной жанровой принадлежности. Это официально-деловые и частно-деловые памятники, семейная и дружеская переписка, переводные памятники, русские повести XVII в., русская демократическая сатира, записи былин и исторических песен, пословицы XVII в., разговорники и тематические словарики XVI–XVII вв., составленные иностранцами. Как словарь, отражающий язык обиходного общения определенного синхронного среза, СОРЯ детально показывает различные значения, оттенки значения, отдельные случаи специфического функционирования слов в языке эпохи. В связи с этим весь наличный в картотеке лексический материал подвергается в СОРЯ семантическому описанию, и толкование получает каждое, без исключения, слово.

В настоящее время вышли в свет три выпуска СОРЯ, подготовлен к сдаче в издательство четвертый выпуск, идет работа над пятым, таким образом, авторским коллективом в настоящее время детально обработано более 6000 слов. Существительные составляют около трети всех слов, прилагательные пятую часть, а глаголы — около четверти словарного состава, т. е. можно говорить о предметном характере лексики памятников обиходно-разговорного языка, призванных инвентаризировать, упорядочить, всегда точно назвать в определенной ситуации реалии.

Существенно, что большая часть лексики — однозначная (до 75% слов, т. е. около $\frac{3}{4}$ всего словарного материала). Статистический анализ материала показал преобладание конкретной лексики, и это важная черта обиходно-делового языка.

Многочисленных слов не так много, их доля никогда не превышает 10%, причем их несколько больше среди глаголов и прилагательных. Существенно, что многозначные слова почти всегда высокочастотны, и эти факты в обиходном языке связаны так же, как в современной разговорной речи: бедность, в частности глагольного набора, компенсировалась широкой семантикой, которую имели такие слова, применяясь к различным ситуациям.

Лексикографические сложности возникают в представлении и однозначного, и многозначного материала.

При интерпретации однозначных слов несложны случаи, когда это единственное значение представлено цитатами из нескольких памятников, т. е. хорошо подтверждено материалом. Напр.:

ВОШВА, ж. (20) *Кусок ткани с драгоценным шитьем, шиваемый как украшение в одежду или конский прибор.* А князь Василей пожаловалъ сестру свою, далъ кортель [‘женская одежда на меху’] горностаенъ вошва аксамитъ синь, лѣтникъ камка желта вошва аксамитъ багрян. *СГГД I⁴, 303¹, 1486 г.* А на девкѣ платья: — кортель куней съ вошвою семь рублевъ, кортель бѣлей хрептовый полтретья рубля вошва готова шита полосата. *Дѣяк. Акты тяг. II, 2, 1514 г.* Лѣтникъ отласъ по бѣлой землѣ листьѣ золото ...подкладка тафта виницейка червчата; безъ вошевь. *Савваитов, 107, 1642 г.* А дати тѣ денги за вошвы, что взяты къ ризамъ на оплечье. *Расх. кн., 66, 1644 г.* Лѣтникъ камка бурская... вошвы по бархату по червчатому низаны жемчугом орлы. *Там же, 106.* Дороже кожоуха вошвы стали. *Сим. Послов., 96, XVII в. + XVI в.: АРГ, АФЗХ II, Прих.-расх. кн. Волокол. м.; XVII в.: Вкл. кн. ТСМ, Д. Шакловит. I, Заб. Дом. быт. II, Росп. прид., Сл. промысл. I. Ср. вставка.*

БЕСПОВОРОТНО, нареч. (11) *Дел. Без возврата, навсегда.* У тех людей поместья и вотчины великий государь указал отимать безповоротно и отдавать челобитчикам. *РД IV, 16, 1670 г.* Се азъ... Ирина Емельянова дочь Ивановича Суворцова... продала... Ивану Васильеву сыну Болтину... впрокъ безъ выкупу и безповоротно приданую свою вотчинную землю. *Шумаков. Акты юрид., 23, 1696 г.* Жить нам Кондрашку и Трофимку съ женами своими... съ нынѣшнего 204 году за нимъ Якимомъ... вѣчно безповоротно. *Гр. порядн., 344, 1696 г.* — *безл. предикат.* А которые... торговые и ремесленные люди, и розданы в тяглые сотни: и тем людям быть впредь безповоротно за государем, где кто в тягло отдан. *Улож. 1649 г., 307.* И быть по тому отводу той землѣ за Воскресенскимъ монастыремъ въ вотчинѣ безповоротно. *А. Угл., 115, 1688 г. + безповоротно XVII в.: Новоторг. устав, ПРП VII, Сл. Перм. I.*

Сложности возникают, когда материала недостаточно. Особенно сложно, когда единственная цитата представлена из памятников переводного характера (Двора турецкого султана, Назирателя, Вестей-Курантов) или русско-иноязычных словарей и разговорников, созданных в XVI–XVII вв. иностранцами. Проблема не только в естественных сомнениях в звуковом облике слов из иноязычных словарей и разговорников (не случайно варианты таких слов не выводятся отдельной строкой), а еще и в сомнениях, во-первых, собственно в семантике такого слова в русском языке, а во-вторых, в его узуальности и в узуальности выводимой семантики. Сомнения в выводимой семантике слова традиционно обозначаются вопросительным знаком после толкования. Напр.:

БОХИ, мн. (1) *Маслины (?)*. > Б о х и м а с л и ч н ы е, lohe birn. [Помещено в ряду названий плодов: ...изюмъ, черносливы, масличные бохи, орѣхи, грецкой орѣхъ...]. *Тронх. разг., 226, к. XVII в.*

ГАЛАС, м. (1) *То же, что галеас (?)*. Из Кандия в послѣдних грамотках пишут что в нашемъ карабелном войске 38 галионов 4 галасы да 32 лехкие каторги. *В-К V, 44, 1652 г.* (ср. **ГАЛЕАС** и **ГАЛЕАСА**, м. (2) [итал. galeazza через голл. galeas или фр. galéace] *Военный корабль, состоявший на вооружении многих стран Европы в XVI–XVII вв., представлявший собой усовершенствованную галеру большого размера...).*

Главный вопрос заключается в том, как выразить сомнения в узуальности, в наличии такого слова в русском языке соответствующего периода. Такие сомнения, естественно, возникают, даже когда семантика кажется более или менее ясной. Например, по Разговорнику Хеймера известно слово *бомба* и Хеймер даже приводит выражение с этим словом (*выжигать бомбами*), но неясно, насколько обоснованно можно говорить о том, что это слово характерно для лексико-семантической системы русского языка XVI–XVII вв. См. материал такого рода:

БОМБА, ж. (2) [через пол. bomba или нем. Bombe из итал. bomba или фр. bombe (первоначально ‘жужжащий снаряд’), восходящих к латин. bombus ‘жужжание’] *Круглый чугунный снаряд, начиненный пороховым зарядом. Бомбы. Разг. Хеймера, 5, к. XVII в.* > *В ы ж и г а т ь б о м б а м и. Бомбардировать. Разг. Хеймера, 5 об., к. XVII в.*

ВОЛОСНА, ж. (1) *Плеть. Волосна his whip. Джемс, 60, 1619 г.*

ВОЛНЕЦ, м. (1) *Гриб-поганка. Волнец — a kind of toadstoales. Ридли, 91, 1599 г.*

Не меньшие сложности и с представлением слов, особенно сложений, характерных для текста Вестей-Курантов (такие, например, сложения, как *высокочтенный, высокоповеренный, высоколюбительный, доброзрящный, доброшляхетный* и др.). Очевидно, что в целом ряде случаев такие сложения представляют собой кальки с иностранных слов, часто по образцу сложных немецких слов. См., напр.:

ВЫСОКОДОБРОРОДНЫЙ, прил. (1) *Высок.-офиц. В титуловании. Имеющий знатное происхождение. Высокодоброродныи геднь генеральной полевой маршалкъ... не мог... не объявити... в дрвне именем Горнъговзене... здравъственной колодез объявился. В-К III, 133, 1646 г. Ср. **высокорожденный, добророжденный**.*

ВЫСОКОЗРЯЩНЫЙ, прил. (1) *Высок.-офиц. Прозорливый, мудрый. Ево цысарское величество вшеи курфистской млсти такое высокозрящное повѣление и приказ дал и вша курфистская млсть такое бремя для устройства миру и покою на себя с радънем принял. В-К I, 53, 1621 г. Ср. **высокоумный**.*

Что касается представления в словаре многозначных слов, то особенность обиходного языка состоит в том, что многозначность практически повсеместно связана с высокой (и очень высокой) частотностью, а кроме того, часто это слова очень широкой семантики, как в разговорной речи, используемые в различных ситуациях с одной из реализаций широкого значения.

Встает технический вопрос об организации семантической схемы таких высокочастотных многозначных слов. Значения отдельных многозначных высокочастотных в обиходном русском языке XVI–XVII вв. лексем со сложной семантической структурой организуются в СОРЯ в более крупные (чем значения) семантические единицы: семантические блоки, обозначаемые римскими цифрами (I, II) и объединяющие значения разного порядка (например, прямые и переносные, конкретные и абстрактные) или разные магистральные направления развития значений (разные «ветви» семантического «дерева»).

Например, в семантической схеме многозначного высокочастотного прилагательного *большой* отдельные значения (каждое из которых еще разветвляется на ряд оттенков, употреблений и т. д.) собраны в блоки: прямые значения организованы под номером I, переносные — под номером II, специфическое значение ‘старший’ — под номером III:

БОЛЬШОЙ... I. 1. Значительный по размерам, величине, объему...

2. Значительный по количеству, многочисленный...

3. Значительный по силе проявления...

II. 1. Главный, основной... 2. Занимающий высокое служебное положение...

III. Старший по возрасту, по годам...

Иногда такие блоки выделяются не столько по семантическому, сколько по лексико-грамматическому критерию: так, значения глагола *быть* организованы в три блока, обозначенные римскими цифрами: в первый блок входят значения *быть* как полнозначного глагола (‘существовать’, ‘иметься’, ‘наличествовать’, ‘находиться’, ‘пребывать’, ‘нести службу’ и т. д.), во второй блок — семантика глагола *быть*, использующегося как вспомогательный глагол (например, при образовании сложного будущего, при образовании сослагательного наклонения, при образовании совершенного будущего и т. д.), и, наконец, в третий блок — значения, которые глагол *быть* приобретает в конструкциях с модальным значением (например, с модальным значением возможности, невозможности, неизбежности, пожелания и т. д.).

Естественно, вопрос о таком представлении структуры многозначного слова всегда решается индивидуально, с учетом семантики и частотности конкретного слова, его места в языковой стихии в описываемый словарем период. Возможно, здесь было бы удобно и помещение семантической схемы в графическом виде (как это принято, например, в ряде западных толковых словарей), хотя ясно, что такое определенное облегчение восприятия вызовет целый ряд вопросов об исторической и семантической производности значений (и исторический словарь в данном случае должен будет проявить особую тщательность и академичность в установлении этой производности).

Еще один вопрос, возникающий здесь, — правомерность предпосылки некоего абстрактного значения, «шапки» более частным конкретным реализациям. Так, в словарной статье на прилагательное *добрый* (рабочие материалы СОРЯ) семантическая схема организована несколько по иному принципу, чем в статье на слово *большой*: у семантических блоков есть заглавия, а значения, организованные в эти семантические блоки исключительно по семантическому принципу, имеют сквозную нумерацию.

ДОБРЫЙ... I. Обладающий положительными свойствами, выдающийся в своем роде.

1. Отличающийся хорошими качествами (обычно о предметах).
2. Хорошо знающий свое дело.
3. Здоровый, полный сил.
4. Справедливый.

II. Добродетельный, примерный в нравственном отношении.

5. Достойный, уважаемый, почтенный.
6. Состоятельный, занимающий определенное общественное положение.

III. Добросердечный, отзывчивый.

7. Относящийся к людям доброжелательно, с сочувствием.
8. Основанный на добросердечном, доброжелательном отношении.

IV. 9. Противоположный плохому, дурному.

V. Большой, значительный.

10. Значительный по степени проявления, интенсивности.
11. Значительный по количеству.

Отрезок и семантическая схема слова несколько раз обсуждались на заседаниях СОРЯ, и авторский коллектив все же склонен отказать от заголовков этих семантических блоков, потому что ясно, что при том, что они демонстрируют движение смысла в описываемом слове, цитатами такие абстрактно выводимые значения не подтверждаются, и выведение такого рода «шапок» едва ли правомерно: оно оправдано скорее в исследовательской статье, чем в таком жанре, как исторический словарь.

Кроме того, лексикографическое представление многозначных слов в некоторых случаях выходит и на вопрос широкого значения другого рода: в редких случаях в обиходном языке XVI–XVII вв. лексемы имели очень широкую семантику, за счет чего могли применяться для характеристики целого круга не всегда даже однородных предметов и явлений. Было предложено при значении таких лексем ставить помету *синкрет.* (после толкования значения), а само синкретичное значение при необходимости дополнительно формулировать и как отсылочное к другим, более конкретным значениям.

В частности, такая помета *синкрет.* была поставлена при первом значении слова *вор*, открывающего недавно опубликованный третий выпуск СОРЯ. Слово *вор* очень высокочастотное (в картотеке СОРЯ более 300 фиксаций с этим словом), при том, что слово только впервые фиксируется с середины XVI в. Это слово демонстрирует в описываемый период несколько ступеней обобщения семантики: слово было общим обозначением уголовного преступника (с целым рядом конкретных реализаций этого значения: тот, кто крадет, покушается на убийство, подделывает подпись, грабит и т. д.), государственного преступника (если противопоставлять политические преступления уголовным бытовым, тоже с конкретными реализациями), функционировало в обиходном, типичном для разговорников значении ‘мошенник, ловкач’ и было известно с предельно широкой семантикой, обозначая преступника вообще, нарушителя законодательных и моральных норм (значение, которое и было обозначено как синкретичное)⁵. См.:

ВОР... 1. Кто нарушает законы, установления морали, преступник; синкрет. (2, 3, 4, 5). Нынѣшняго де, г., 131 г. сентября въ 10 д. сидѣль де онъ на пиру у казака у Сережки Пожитнаго съ тѣмъ пушкаремъ съ Сенькою вмѣстѣ, и почель де онъ, Ивашка, говорить: «по твоему де г. указу... на Москвѣ ходять по улицамъ стрѣльцы для воровства, чтобъ воры не воровали». *СиД, 421, 1623 г. ... 2. Кто нарушает уголовное законодательство; уголовный преступник.* Да въ то жъ время, какъ царя коронуютъ и веселие бываетъ, на Москвѣ и въ городѣхъ всѣхъ воровъ свобождаютъ на волю, кромѣ самыхъ великихъ убиственнѣхъ дѣлъ. *Котошихин, 12, 1667 г. ... 3. Кто совершает преступления против государства; государственный преступник.* Нынѣ смиряетъ воровъ бояринъ кн. Дмитрий Михайловичъ Пожарский. *СиД, 13, 1625 г. ... 4. Неприятель, враг.* Въ прошломъ де во 117-мъ году приходили де на Угличъ воры литовские люди и посады и монастыри выжгли, и Богоявленской де монастырь, что строилъ вновь старецъ Варсунофей, сожгли жъ и братью присѣкли. *А. Угл., 16, 1610 г. ... 5. Ловкач, мошенник.* Вор хто лучше делает. *Тронх. разг, 231, к. XVII в. ...*

При обсуждении готовящегося в печать третьего выпуска помета *синкрет.* никого не оставила равнодушным, вызвав весь спектр оценок от восторженного приятия и подчеркивания, что здесь как раз схвачена самая суть средневекового менталитета и соответствующих особенностей семантики слова, до полного скептицизма. По поводу этой пометы до сих пор нет единодушия и в самом авторском коллективе, т. е. проблема соответствия языковому материалу, семантическому состоянию обиходного языка (если бы издавался, например, словарь житий, там роль этой пометы была бы иной), проблема целесообразности такой пометы очевидна, и при этом нерешенным остается вопрос интерпретации столь широкого значения, вбирающего в себя и ряд конкретных реализаций разной степени обобщения, и какое-то еще общее, надтекстовое значение.

Пристальное внимание Б. А. Ларина всегда было сосредоточено на семантической разработке слов, описании семантического пространства слова, подразумевающего выделение значений и оттенков значения. Наряду с выделением значений и их частных реализаций — оттенков в СОРЯ показываются характерные употребления лексем, и авторы стремятся наиболее полно и подробно описать такие случаи особого функционирования слов, не изменяющих значения и лексико-грамматической отнесенности лексем. Но если оттенок — это достаточно субъективная исследовательская категория (не случайно то, что в одних словарях преподносится как оттенки, в других соответствует полноценным значениям, а ряд словарей в связи с этим вообще отказывается от такой категории, как оттенок), то выделение употреблений базируется на достаточно объективных лингвистических основаниях. Но выделение этих употреблений, как выясняется, базируется на очень разных основаниях.

Основаниями для выделения употреблений в СОРЯ являются, во-первых, лексические факторы, т. е. особая тематически ограниченная сфера использования слова в определенном значении:

ВЕТХИЙ... *Подвергшийся разрушению или порче от времени... — О постройках. И тѣхъ, государь, церковей паперти обвалились, и церкви гораздо ветхи. Пск. писц. кн., II, 80, 1636 г.... — Об одежде. Стихарь ... подложен полотном ветхъ. Кн. переп. пск. Печ. м., 155, 1652 г.*

ГЛАС, м. *Книж.-церк. 1. Звуки речи, голос. ... — О звуках, издаваемых животными и птицами. Егда какова зверя восхоцет [лев], тем гласом и зовет к себе, яко органом възбряцающе. Авв. Письма, 268, 1679 г.*

Употребления такого рода могут сопровождаться лексикализацией определенной грамматической формы слова:

АТЛАС... *Плотная шелковая ткань с гладкой блестящей лицевой стороной... — В им. пад. как обозначение материала, из которого что-л. изготовлено, сшито. Да третьему человеку держать свечю въ кошелкѣ, кошелекѣ отласъ или бархатъ золотной. Дм., 73, XVI в.*

Во-вторых, употребления выделяются по функционально-стилистическому признаку. В СОРЯ отмечается употребление слова в исходном значении в индикаторном контексте, если переносное значение не формируется (помета — *обратно*), употребление слова в исходном значении в сравнении (помета — *в сравн.*, — *в составе сравн.*), предопределяющее специфику семантики лексемы употребление слова в памятниках и контекстах определенного типа: в текстах определенного жанра (пометы — *в сатире*, — *в молитве* и т. д.; в частях текста (документа) (пометы — *в обращении*, — *в зачине письма*, — *в титуле* и т. д.) в определенных (чаще деловых) формулах, характерных для языка этого периода

(дается указание на жанр документа, тип формулы и семантику формулы). См., напр.:

ГНЕЗДО... 1. *Место, устраиваемое или приспособляемое птицами для кладки яиц и высиживания птенцов...* — образно. Разорили мы [защитники Азова] гнездо змиево... побили в нем всех христианских мучителей и идолослужителей. *Пов. аз. ратн. сид., 76, 1642 г. ...*

ВЫСОКОМОЖНЫЙ... *Могущественный...* — в титуле *Нидерландских генеральных штатов*: Высокоможные Гсда Статы корован свои карабелной что нне под городомъ Дюнкерком стоит перепустили французскому королю. *В-К 1, 1638 г. ...*

ВИНОВАТЫЙ... *Совершивший что-л. предосудительное; провинившийся...* — в этикетной формуле самоуничтожения. Милосердый г., пожалуй меня, х. с., виноватаго, вели, г. мнѣ, х. с., виноватому свой г. указъ учинить. *Сид, 248, 1650 г. ...*

Наконец, в-третьих, знак употребления используется для показа особенностей синтаксической сочетаемости слова:

ВЫДЕЛАТЬ... *что.* 1. *Изготовить, получить путем переработки чего-л. ... — из чего.* Указъ дѣлати мука крупчатая. 10 четвертеи возметъ пшеницы выдѣлають из 10 четвертей муки крупчатой, поль 3 четверти, да 3 четверти муки бѣлые. *Дм., 67, XVI в.*

БОЧКА... — *с кем.* Куда ты бочку с железной проволокой привез? *Разг. Хеймера, 7 об., к. XVII в.*

БРАНЬ... — *с кем.* А ныня бран востала з шведам. *ИНРЯ, 145, XVII — н. XVIII в. ... — меж кем.* Покамест мятеж и междоособная брань меж людьми утолитця. *РД II-2, 72, 1670 г.*

Таким образом, знак употребления оказывается очень нагруженным, представляя лингвистически разнотипные явления. Возможно, их следовало бы развести именно с помощью метаязыка словаря.

Говоря о способах образования новых значений в истории языка, способах переноса наименования и структурных моделях в рамках этих способов в истории языка, следует подчеркнуть, что в семантической системе обиходного русского языка XVI–XVII вв. известны и метонимические переносы наименования, которые преобладают, и в меньшей степени метафорические переносы наименования.

Преобладание метонимических переносов в семантической системе обиходного русского языка XVI–XVII вв. во многом связано с близостью этого типа языка разговорной речи. Большой продуктивностью в обиходном языке XVI–XVII вв. характеризуются модели «содержащее — содержимое» (по такой модели

пространственной метонимии чаще всего развивают значения обозначения различных емкостей *бадейка, бочечка, братина, лукошко* и др.) и — как следующая ступень — «емкость — мера объема» (*бочка, бочонок, ведро*). См., напр.:

БОЧКА, ж. 1. *Большой деревянный продолговатый сосуд с выпуклыми боками и двумя днищами. Гвоздь у бочки деревяной. Речь тонкосл., 53, XV в. А платье всякое и товаръ которое в полатахъ, и в клетѣхъ, и в онбарехъ, и в лавкахъ, и в сундукѣхъ, и в бочкахъ, и в коробьяхъ... в лѣте пересматривати, и перетрясывати. Дм., 63, XVI в. ...*

2. *чего. Мера жидких, сыпучих и твердыхъ веществ. Съ Савкины деревни мнѣ шло оброка двѣ бочки рыбы. АСЭИ I, 325, 1478 г. Дал вкладу Иван Алексеев сын Щокин... образ Пречистые Богородицы... бочку слив да бочку морсу вишневого. Вкл. кн. ТСМ, 87, 1544 г.*

Причинно-следственная метонимия представлена в обиходном русском языке XVI–XVII вв. не столь многими моделями, как в современном языке, но по количеству языкового материала является едва ли не ведущей, причем большинство переносов осуществляется по модели «материал — изделие» с различными вариациями, напр., «растение — пищевой продукт из него» (*брусница* ‘ягодный кустарник’ и ‘брусничный напиток’). Продуктивна модель «материал, ткань — отрезок, кусок этой ткани». Интересны модели «предмет — его изображение» и «объект — предмет, названный в честь него», специфика которых в обиходном языке XVI–XVII вв. в том, что они представлены почти исключительно существительными, обозначающими различные объекты поклонения в христианской религии, религиозные события. Напр.:

АНГЕЛ... 1. *В христианской религии: духовное бесплотное существо, вестник воли Бога. ... || Изображение ангела. Боярин князь Иван Борисович Репнин дал вкладом в дом живоначальныхъ Троицы крестъ благословящей... поверхъ Распятия образъ господа Саваофа да 2 аггела. Вкл. кн. ТСМ, 278, 1678 г. Июля в 23 день князь Петра Емурзича Черкаскова жена ево Анна Васильевна дала в дом живоначальныхъ Троицы вкладом по сестре своей... воздух... по угламъ вышиты 4 ангела золотом и серебром. Там же, 281, 1674 г. ...*

ВЕЛИКОМУЧЕНИК... *Последователь христианского учения, претерпевший, по преданию, самые тяжкие мучения за веру... — в названии церкви. К сему торговому уставу церкви великамученика Христова Георгия... поп Афанасей Никифоров... руку приложил. Новоторг. устав, 325, 1667 г.*

Из тематических групп метонимические переносы наиболее часты в сфере обозначений тканей, емкостей, животных, из абстрактных — обозначений мест. См.:

БЕЛКА... 1. *Небольшой пушной зверек. Бѣлки ловить ношки отбить. Сим. Послов., 80, XVII в. ...*

2. *Шкурка, мех белки, обычно мн. Мы ты бѣлки вмѣстѣ купили да их роздѣлим; потому в двѣ кучи их клади. Разг. Фенне, 463, 1607 г. А товару, государь, со мною... 50 000 и 680 белки, 10 рысей. РБС, 56, 1604 г. ...*

3. *Мех белки как денежная единица. И велел атаман... татарам, шести человеком, по три белки дати. Сказ. пов. об аз. взятии, 88, XVII в. ...*

БОЛОТО... *Низкое топкое место, поросшее осокой, кустарником, мелкими деревьями. ... || метон. Лес, растущий на низком, топком месте. В ночи придет мелникъ Кирила сказал рубет де нѣхто болото и я гсдрь Иван Ивавич (!) взял дѣловых людей с собою пришел в болота онѣ де Денка Авилов с товарыши сечет то болото. ИНРЯ, 22, 1696 г.*

Вопрос лексикографической подачи метонимических переносов практически не решен, в словарях сложились просто определенные традиции в подаче каждого конкретного метонимического переноса, более или менее устойчивые в зависимости от распространенности метонимической модели: метонимические переносы описываются и как отдельные значения, иногда с пометой *метон.* (но которая тоже ставится очень непоследовательно), и как оттенки значения, и как употребления (см. выше случаи непоследовательного лексикографического представления метонимических переносов в первом выпуске СОРЯ).

На мой взгляд, основная масса метонимических переносов должна быть интерпретирована как отдельные значения, и это правомерно с точки зрения общей семасиологии, потому что метонимия — такой же способ образования нового значения, как и метафора (которая практически всегда, кстати, подается отдельным значением). В качестве оттенка возможно представление синекдохи, кроме распространенной модели «животное — мех, шерсть, кожа этого животного», который принято подавать как различные значения, что оправдано и в связи с большим количеством материала. При отдельных значениях помета *метон.* представляется излишней, т. к. метонимия — типичный и наиболее распространенный перенос в обиходном языке XVI–XVII вв. (в этом смысле целесообразнее давать помету при метафорических переносах). подача метонимических переносов как употреблений нежелательна, но помета *метон.* может сопровождать метонимический перенос, оформленный как оттенок, или, по каким-либо соображениям, как употребление, если это единичный, а не регулярный случай.

Такого рода случаи будут возникать, в частности, при представлении так называемой ситуативно обусловленной метонимии (по классификации Н. Д. Арутюновой⁶), которая, как правило, является результатом эллиптического сокращения текста и типична для разговорной речи.

Такие слова с контекстуально широким значением в качестве лексико-семантического явления характерны для обиходного языка этого периода, и проблема их лексикографической интерпретации актуальна. При том, что корректен

именно термин контекстуальности, потому что речь идет о текстах, существующих исключительно в письменной форме, фактически такие значения выступают как ситуативные, характерные для разговорной речи. Например, в контексте: *Въ великую субботу, ходилъ государь въ соборную церковь Успения пречистые Богородицы, къ площади, а стоялъ у столпа... А на первомъ часу, въ паремью и въ апостолъ, стоялъ государь у патриарша мѣста (Выходы ц. в. к., 156, 1647 г.) — апостол* — ситуация: ‘время чтения на протяжении церковной службы богослужебной книги, содержащей послания апостолов и «Деяния святых апостолов»’. Есть даже типичные, закрепляющиеся сочетания. В памятниках обиходного языка распространенное сочетание *для огню* означает ‘чтобы охранять от пожаров, следить, чтобы не разжигали огонь’: *Вельл ты гсдрь мнѣ холопу своему выбрати дву сынов боярских добрых ѡздити по острогу для огню (Пам. ю.-в.-р. нар., 59, 1594 г.)*. Контекстуально широкая семантика вполне возможна и у конкретных существительных, когда обозначение ситуации сводится к компоненту предметного значения: *Трава сказала пьют от зубов (МДБП, 271, 1643 г.)*, *И с тех мест и по ся места тех моих лошадеи не платит* (челобитная воронежца Демки Афанасьева сына Невзорова на конского сторожа Якова Павлова сына Бирюка о возмещении за утерю лошадей) (*Южн. челоб.*, 107, 1644 г.).

Такие примеры составляют как раз яркую особенность обиходного языка. Показ таких случаев в словаре представляется обязательным. Как подчеркивает Ю. С. Сорокин, такие речевые употребления, конситуативные осмысления демонстрируют сдвиги в семантике слова, являющиеся зародышами новых структур или следами старых⁷. Представляется целесообразным интерпретировать их как употребления, реже — оттенки с описанием соответствующей ситуации (возможно по формуле «О...»), напр.:

Лошадь... 1. Крупное домашнее животное для перевозки людей и грузов, сельскохозяйственных работ и др. ... — О возмещении за утерю таких животных...

Природа такого рода контекстуальной семантики — тот же метонимический перенос значения, столь характерный для обиходного языка (ездить «для огню» — это ездить «для охраны от огня»), но исследователи считают, что такого рода метонимия, основанная на эллипсисе, неполноте, не создает нового, контекстуально независимого значения, т. е. здесь следует говорить именно о конкретном употреблении, применении слова к определенной ситуации.

Метафорические переносы представлены материалом в меньшем количестве, и их лексикографическая подача значительно более унифицирована. Они всегда оформляются в качестве отдельного значения, т. к. отражают существенный семантический сдвиг.

Как показал анализ, основной массив метафорических переносов в обиходном языке — это стертые языковые метафоры (*большой* ‘значительный, выдающийся по размерам, величине’ и ‘главный, основной, обладающий особым значением’, *бок* ‘сторона туловища’ и ‘сторона предмета, в отличие от верха и низа’). Яркие образные контексты, в общем, нетипичны для памятников обиходного языка. Они встречаются в специфических по типу источниках и бывают двоякого рода:

либо это лексика, которая могла бы быть охарактеризована как просторечная, дающая метафорический перенос в живой разговорной речи, как правило, на основе экспрессии, либо, напротив, контексты, содержащие вкрапления книжной лексики. Такое значение, образованное с помощью метафорического переноса и состоящее в отражении живого образа, сопровождается пометой *перен.*, стоящей перед толкованием, и тоже всегда оформляется как отдельное значение:

БОЛЕТЬ... 1. *О человеке. Быть больным, страдать какой-л. болезнью.* А на меня гсдрь гневу своег не положи что к тебѣ гсдрю не писал грѣхъ ради своих болю. *Грамотки, № 257, XVII — н. XVIII в. ...*

3. *перен. Мучиться, страдать.* Радуйся, кабаचे веселый, яко мнози тобою хвалятся и хвастают, по мале же и ницетою болят. *Служба кабаку, 55, XVII в.*

ВЕТРЕННЫЙ... 1. *Прил. → ветер...* И сице теплота вѣтренная прменяется в стужу случающаеся ради причины. *Назиратель, 122, XVI в. ...*

5. *перен. Обманчивый, лживый.* У того человѣка вѣтреной язык: давно он мнѣ посулил товар продать, да нынѣча иному продал. *Разг. Фенне, 359, 1607 г.*

Важным принципом ларинского подхода к описанию семантики слова является внимание к историко-культурному компоненту значения слова, в результате чего по лексическим данным становится возможным восстановление картины мира соответствующей эпохи: реконструкция как внешнего вида и назначения материальных реалий, так и менталитета, типа взгляда на мир. Соответственно при толковании лексики памятников XVI–XVII вв. необходимо описание, по возможности наиболее приближенное к восприятию характеризуемой эпохи. Например, основное значение лексемы *год* не может быть определено посредством современных понятий как «период времени, соответствующий одному обороту Земли вокруг Солнца». Обиходному менталитету Московской Руси XVI–XVII вв. скорее соответствует толкование «отрезок времени, соответствующий циклическому периоду смены сезонов, продолжающийся 365/366 дней или 12 месяцев». Толкования существительных, обозначающих растения и животных, даются с учетом народной номенклатуры и общеупотребительного значения. Поскольку в описываемый период научная ботаническая и зоологическая классификация не сложилась, в СОРЯ не учитывается современное научное разделение на классы, отряды и семейства, а также не приводятся латинские эквиваленты. В толковании обращается внимание на особенности, свойства животного, растения, которые имеют значение в хозяйстве, быту. См., напр.:

ВЫДРА¹... *Хищное животное с ценным мехом, живущее у воды.*

ВИШНЯ... *Плодовое дерево или кустарник с сочными ягодами темно-красного цвета.*

ВЯЗ... *Лиственное дерево с гибкой древесиной, из которой делали полозья, крепления для саней, ободья.*

В некоторых случаях кроме толкования значения авторы СОРЯ предлагают комментарий к значению слова, который носит справочный характер и содержит сведения о функционировании однокоренного слова или основы в диалектах или других языках, сведения исторического характера, этнокультурный комментарий, дополнительную литературу, содержащую указание на семантику описываемого слова и т. д. Такой комментарий помещается в конце словарной статьи, заключается в квадратные скобки и набирается петитом.

ВЫКЛЕСТИ... Ж и в о т в ы к л е с т и. *Довести до погибели.* Нас [иконописцев] ругают не хотят у нас оставит ни куренка... а обыной пропаже и говорить нѣчево... а иные говорят береги деи коровы что из сутки в сутки возьмем клок сѣна инъ из насъ и из животинишки нашей хотят живот выклести. *ИНРЯ, 45, XVII — н. XVIII в.*

[*Ср. Клескать. Наносить побои, избивать. Клеск. междом. Нанести удар. Клескаться. Биться, трепыхаться (о рыбе). Пск. обл. сл., вып. 14, с. 193–194.*]

ГОЛУБЕЦ², м. (1) *Конь пепельно-серой масти.* Удастся голубецъ не надобе и дубецъ. *Сим. Послов., 146, XVII в.* [*Ср. Удастся голубецъ, не надобен и дубец. Голубец означает здесь голубого коня, который на редкость удаётся лихим, и тогда не нужно дубца, погонялки. Даль. Т. I, с. 371.*]

ГЛУБНИК, м. (1) *Северо-западный ветер.* Glubnпс — глубник. *Джемс, 66, 1619 г.* [*Ср. Глубник... 1. Северо-западный ветер... 5 ... У моряков — северо-западный румб компаса. СРНГ, вып. VI, с. 206.*]

ВЫШЕ... 2. *На более почетное место.* А которые бояре царю свойственные по царицѣ, и они въ думѣ и у царя за столомъ не бывають, потому что имъ подъ иными боярами сидѣть стыдно, а выше не умѣть, что породю невысоки. *Котошихин, 38, 1667 г.*

[«Бояре сядились по лавкамъ, отъ царя поодаль, бояре подъ боярами, окольнічие подъ окольнічими, думные дворяне также, кто кого породю ниже, а не по службѣ, т. е. не по старшинству пожалования въ чинъ, такъ что иной и сегодня пожалованный, напр., изъ спальниковъ или стольниковъ въ бояре, сядился, по породѣ выше всѣхъ тѣхъ бояръ, которые были ниже его породю, хотя бы и сѣдые старики были». Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Ч. I. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. — М., 2000, С. 387.]

Сведения, содержащиеся в таком комментарии, могут быть очень разного характера, но в данном случае такая подача материала кажется правомерной и обоснованной, и здесь как раз едва ли нужна какая-либо однородность. Следует, напротив, расширять такого рода комментирования — например, полезным было бы указание на справочную этнографическую литературу и другие источники

при описании значения конкретной лексики, которое, как писал Г. В. Судаков, часто берется отнюдь не из иллюстраций⁸.

Таким образом, работа над СОРЯ демонстрирует значимость принципов составления исторических словарей, разработанных Б. А. Лариным. Возникающие лексикографические вопросы и проблемы, решение которых не всегда однозначно, свидетельствуют о жизнениости ларинских идей, потому что процесс постановки таких вопросов убедительно доказывает перспективность заданных исходных положений, а поиск решений таких вопросов стимулирует научную мысль, заставляя лексикографов идти вперед.

Примечания

¹ История русской лексикографии. СПб., 2001. С. 344.

² Ларин Б. А. Значение работ академика Л. В. Щербы в русском языкознании // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 203.

³ Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного русского языка» // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 8.

⁴ Сокращенные обозначения названий памятников используются в соответствии со списком условных сокращений к «Словарю обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.». Вып. 1. СПб., 2004.

⁵ См. подробнее: Генералова Е. В., Щекин А. С. По следам «вора» // Русская историческая лексикология и лексикография. Межвуз. сб. / Под. ред. О. А. Черепановой. СПб., 2008. С. 187–193.

⁶ Арутюнова Н. Д. Метонимия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. С. 300–301.

⁷ Сорокин Ю. С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977. С. 4–27.

⁸ Судаков Г. В. Иллюстрация в историческом словаре // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Материалы Всеросс. Акад. школы-семинара. СПб., 2005. С. 129–132

О. В. Васильева

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЕ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ³

Словарь обиходного русского языка Московской Руси реализует идею Б. А. Ларина о словаре русского средневековья. Русский язык XVI–XVII вв. — самого конца донационального периода — привлекал к себе пристальное вни-

---

³ Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».